М. В. Дарчиева

О ПОМИНАЛЬНОМ РИТУАЛЕ И ТЕКСТЕ ОБРЯДА ОСЕТИН *ЗАЗХÆССÆН*

Работа представлена отделом языкознания
Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.
Научный руководитель − доктор филологических наук, доцент Е. Б. Бесолова

Статья посвящена поминальному ритуалу и тексту обряда осетин зазхæссæн, месту данного обряда в похоронно-поминальном цикле осетин. В статье рассматриваются центральные обрядовые атрибуты, символы, насыщающие обряд, а также их связи с фольклором. Отдельное внимание уделяется текстам, сопровождающим обряд.

Ключевые слова: *погребально-поминальный обряд, ритуальное дерево, культ предков.*

M. Darchiyeva

ON THE FUNERAL RITUAL AND TEXT OF THE OSSETIAN CEREMONY *ZARDAVARAN*

The article is devoted to the funeral ritual and text of the Ossetian ceremony zardavaran, to the place of this ceremony in the funeral cycle of the Ossetians. Central

ceremonial actions are considered in the article: slaughter of a sacrificial animal, laying of turf round the tomb and also their connections with folklore. Special attention is given to the texts accompanying the ceremony.

***Key words**: ritual, ceremony, turf, slaughter, sacrificial animal, heart.*

Одними из интереснейших поминальных обрядов осетин в этнографическом, фольклорном и семиотическом планах являются так называемые малые поминки − *зазхæссæн.* Первые письменные данные об этом обряде имеются у академика Вс. Ф. Миллера [6, с. 459], но более полное его описание дают такие ученые, как Л. А. Чибиров [13, с. 135–136], [14, с. 429–431], Б. М. Каргиев [5, с. 114–115], В. С. Уарзиаты [11, с. 61–62].

«Накануне этого дня *(кутуганан. − М. Д.),* т. е. в субботу, празднуется *зазхассан.* Справляют этот праздник те, у которых в истекшем году умер кто-либо из семьи. К вечеру пятницы готовятся кушанья и напитки, рубят и приносят в дом ель. С заходом солнца в дом, который справляет *зазхассан,* приносят все родственники со своей стороны кушанья и напитки; в доме же устраивают на стуле или на скамье крестообразную фигуру из палок и затем такую фигуру одевают так, как бы живого человека, сбоку этой наряженной фигуры ставят ель; впереди его ставятся кушанья и напитки. Когда все готово, то начинается общее рыдание, будто в тот день умер кто в этом доме, наплакавшись, принимаются за еду и питье. В эту ночь не ложатся спать и проводят время в воспоминаниях о старых покойниках, и когда воспоминания растрогают сидящих, то опять начинается общее рыдание. К утру раздевают наряженную фигуру. Многие к этой ночи готовят из орехов конфеты, пряники и разные сладости − *аламы.* Вечером развешивают их по стенам. Утром, после того, как снимут одежду с разодетой фигуры, часам к десяти, расстилают во дворе ковры и кладут на них *аламы;* к этому же времени собираются во двор верховые. Когда посвятят *аламы* мертвым, передают их верховым. Последние с этими *аламами* скачут по аулам и, где только встретится сборище народа, там трусят *аламы.* Проехав через три, четыре аула, аламаносцы возвращаются обратно ко двору, откуда выехали. Здесь они спешиваются и выражают разные пожелания хозяевам дома, затем они отправляются на кладбище и там, выразив опять всякие пожелания, втыкают в могилы со стороны головы покойника, там похороненного, *алам,* изображающий знамя, предварительно сняв с него сладости. Сладости, оставшиеся на *аламах,* знаменосцы делят между собою» [4, с. 71].

В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева лексема *зазхæссæн* определяется как «праздник поминовения умерших, приуроченный к православному Вербному воскресенью, дню въезда Иисуса Христа в Иерусалим. Праздник отмечался изготовлением *ælæm 'a,* скачками, трапезой.

...Буквально «приношение *(хæссæн)* веток тиса *(zaz).* Впоследствии вместо тиса фигурировали елка *(д. nazuj xist)* или верба, но название удержалось старое. Обычай связан, как считают, с памятью о пальмовых ветвях, которыми жители Иерусалима приветствовали Христа. Отсюда нем. Palmsonntag» [1, IV, с. 290].

Как видим, обряд *зазхæссæн* получил свое название по важнейшему атрибуту обрядности − молодой елочке или ветке тиса. Оба вида растительности являются высокодекоративными вечнозелеными деревьями и носят одно название *заз.* Более того, тис ягодный *(Taxus Baccata L.)* осетины высаживали на кладбищах как символ преодоления смерти и использовали в ритуалах, имеющих целью увеличение плодородия, жизненной силы [10, с. 61].

Время исполнения данного обряда, как отмечают информаторы, фиксированное: *«Зазхæссæн вæййы Комахсæны фæстаг сабат − æвдæм сабаты.* − Зазхассан проводится в последнюю субботу Великого Поста − седьмую субботу». *«Куадзæны размæ скæнынц зазхæссæн.* − Перед Пасхой справляют зазхассан». *«Зазхæссæн фæксенынц*

хуымгæнæны мæйы, куадзæнмæ ма къуыри куы баззайы, уæд, сабаты. – Зазхассан справляют в апреле, когда до Пасхи остается неделя, в субботу». *«Зазхæссæн бывает в апреле». «Кæддæр куадзæны размæ...* – Когда-то перед Пасхой...»

Таким образом, по времени данный обряд совпадает с православным праздником Вербное воскресенье. С этим, наверное, связано то, что в некоторых источниках *зазхæссæн* называют «Вербными поминками» [12, с. 276], а один из главных атрибутов обряда – *заз* – переводится как «верба». «Зазхæссæн – ношение верб, вербная неделя» [9, с. 59]. «Поскольку в Осетии не растет верба, ее заменителем в некоторых ритуалах был тис *(заз);* отсюда название Вербного воскресенья у осетин – *зазхæссæн»* [14, с. 149]. Непосредственно в описании обряда Л. А. Чибировым говорится, что *«зазхæссæн* – очередной весенний праздник *(заз* – тис, верба, *хæссæн* – несение)».

Он посвящался культу мертвых и был известен под названием *назуихист (назуи* – елка, *хист* – поминки) – среди осетин-дигорцев [14, с. 429–430]. Здесь же Л. А. Чибиров, как и В. А. Абаев, замечает, что ель, тис и верба у осетин имели в религиозном быту одно функциональное назначение [14, с. 430], [1, IV, с. 289]. Однако в Алагирском ущелье, где наиболее хорошо сохранился данный обряд, для обозначения вербы применяется слово, имеющее негативный оттенок в своем значении, – *гæдыбæлас.* Это дает основание предположить, что верба *гæдыбæлас* не могла фигурировать в столь важном обряде. Можно допустить, что она использовалась осетинами лишь в христианский период, но нет текстов, подтверждающих данный факт.

Итак, «в предпоследнюю субботу перед Пасхой, известной в православном календаре под названием Лазарева суббота, отмечали праздник *Зазхæссæн / Назуи-хист.* По своему характеру это торжество связано с поминальной обрядностью» [11, с. 61].

Обряд *зазхæссæн* насыщен символами и атрибутами, такими, как *зазбæлас* (обрядовое дерево), *цырагъдарæн* (подсвечник), *æлæм* (дерево, украшенное сладостями), *куатæ* (передник), *гауыз* (ковер) и др. Пожалуй, одним из главных атрибутов обряда, стержнем его, является дерево – *зазбæлас,* – которое представляет собой небольшую ель или сосну, украшенную различными сладостями – конфетами, сушками, баранками, печеньем, сухофруктами, в частности, изюмом, грецкими орехами. Кроме того, на ель некоторые вешают различные мелкие предметы, вещи, такие, например, как носки, сигареты.

Как в источниках, так и в собранных нами текстах есть небольшие разногласия, касающиеся возраста покойного, т. е. того, какому умершему собирать *зазбæлас. «Молодойæн – фылдсер заз. Заз обязательно!* – Для молодого покойного чаще всего приготовляют дерево. Дерево обязательно!». *«Зазбæлас кæнынц æрыгонæн. Хуыцау нæ уымæй бахизæт, фæлæ. Æмæ зазбæлас кæнынц, мæнæ елкæ куыд фæкæнынц, афтæ. Фанарь тедтæ йыл не ссуддзынæ, фæлæ дыргътæ, къафеттæ, ауындзгæ чи уа, носкитæ, тамакотæ – гъе уыдæттæ сауындзынц зазбæласыл. Тамако тедтæ, носкитæ гъе ныр йæ боны чи лæккад кодта, уыдонæн байуарынц. Зазбæлас кæнынц, фæсивæдæй чи амæла, гъе уыдонæн кæнынц зазбæлас. Зæрæдтæн нæ кæнынц зазбæлас.* – Дерево готовят для молодого. Упаси Боже нас от этого! И готовят дерево, как елку новогоднюю. Не гирлянды повесишь на него, но фрукты, конфеты, то, что можно повесить, носки, сигареты – вот, что вешают на дерево. Сигареты, носки раздают тем, кто помогал в день похорон. Дерево приготовляют тем, кто умер молодым. Старикам его не приготовляют».

Все атрибуты, вся еда готовится после обеда в пятницу. Далее дерево, как и все остальное, что приготовили к этому дню родственники, посвящается, произносится соответствующая молитва. Часть разбирается в тот же день, оставшуюся часть на следующее утро относят на кладбище, где у могилы покойного произносится все та же поминальная молитва, после чего все атрибуты, включая сладости, которыми украшается дерево, раздаются тем, кто пришел на кладбище. Само же дерево оставляют возле могилы: *«...садзынц æй марды ингæныл дæлфæдтæй.*

Уый сыгъдæй лæууыди зæрдæвæрæнмæ, стæй йæ бынаты æвæрд æрцæуы бæстон дурын (хъæдын) цырт. − Устанавливают его на могиле у изножья покойного. И стояло оно зажженным до *зардаварана**, затем на его месте ставили основательный каменный либо деревянный памятник». *«Молодойæн та зазы къалиу вæйиы, æмæ йæ решеткæйы мидæг ныууадзынц.* − Для молодого покойного готовят ветку ели и оставляют ее на могиле внутри ограды».

В настоящее время чаще всего *зазбæлас* приготавливают и посвящают покойникам, умершим в *молодом* возрасте, а также *всем женщинам, независимо от возраста.*

Обратимся к символике дерева, в частности ели, сосны в мировой культуре. Древнейший образ мировой культуры − Дерево − является отражением целостного восприятия мира, некой универсальной формой, охватывающей границы мироздания [15, с. 143]. В древнейшей мифологии Дерево − символ мирового единства, источник жизни, первооснова мира. Ель известна в качестве обрядового дерева. Относящиеся к ели мифологические представления и обряды получили развитие преимущественно у восточных и западных славян (по ареалу ее произрастания). Для культурной семантики и символики ели существенны ее природные свойства как вечнозеленого, колючего, пахнущего, «женского» и бесплодного дерева.

Сосновую или еловую ветку с густо разросшейся хвоей называли «ведьмино помело»; русские подвешивали ее во дворе. Интересно, что в одних местах она считалась местом пребывания домового, в других − оберегом от домового. «Преобладание хвойных, колючих деревьев может говорить за первичность апотропеического значения, поскольку растения с колючими иглами − древнейшие обереги» [3, с. 50–51].

Кроме того, ель − дерево, которое нашло широкое применение в похоронной и поминальной обрядности у некоторых старообрядцев, у которых, в частности, было принято подкапывать корни ели, немного выворачивать ее из земли, в образовавшуюся яму класть без гроба умершего, а потом сажать ель на прежнее место [15, с. 144]. В сербских эпических песнях известен мотив похорон под елкой. У восточных славян ветки и гирлянды из ели − одно из самых распространенных украшений могилы. Срубленную ель (кипарис, сосну, можжевельник), часто украшенную цветами или лентами, могли устанавливать или реже сажать на могиле парня или девушки, умерших до брака [15, с. 145]. В России ель была священным деревом, отражающим сразу два мировоззренческих подхода: добро в дом, защиту дома, защиту от болезней, исцеление и т. д.; прием покойников, их поминовение, похоронная обрядовость. Сосна, как и ель, дерево вечнозеленое, символ вечности, долголетия и бессмертия, стойкости и преодоления неблагоприятных обстоятельств.

О том, что ель − дерево мертвых, дерево иного мира, и оно связано с культом предков, пишет и В. П. Ершов. Согласно верованиям сибирских татар, ель − копия Мирового Древа и находится в Нижнем мире (ель с девятью корнями или 9 елей), она возвышается перед дворцом Ирле Хана (Эрлик-хана). К стволам девяти елей царь мертвых и его сыновья привязывают своих коней [2]. Заслуживают внимания примеры, приведенные В. П. Ершовым. Это – священные рощи старинных кладбищ в Карелии, Коми и др. регионах, состоящие из хвойных пород; погребальные носилки из двух еловых жердей в вепсской погребальной обрядности [2]. А изучение коллекции народных икон-примитивов, написанных на еловой доске, привело ученого к выводам об их похоронно-поминальной функции. Каждый персонаж иконы так или иначе «заботится» о благополучии умерших в ином мире, а через них и о живых. Следовательно, выбор еловой доски детерминируется функциями этих икон.

В религиозно-магических представлениях финно-угорских народов ель была связующим звеном между мифологическими мирами (живых и мертвых) и потому широко использовалась в похоронной обрядности [2].

Мы уже отмечали, что лексема *заз* в осетинском языке используется для обозначения как ели, так и сосны и тиса.

О связи *зазбæлас* с культом предков, о причинах его применения в поминальной обрядности осетин говорят сами информаторы: «...ель же вечнозеленая, значит, не умирает, а переходит на тот свет. Душа не умирает, остается на том свете, вечнозеленая, вечноживущая».

«Зазбæлас фæкæнынц уый тыххæй, æмæ æнусон цъæх бæлас – царды, фидæны нысан кæй кæны, уый тыххæй. – Ель готовят потому, что это вечнозеленое дерево является символом жизни, символом будущего».

Есть и другие представления, несколько отличающиеся от указанных. *«Афтæ фæзæгъынц, заз кæмæн уа, уый мæрдты йæ аууоны баддзæн, кæмæн нæ уа, уый та − хурмæ. Аууон ын нæ уыдзæн. Цырагъ та – цæмæй йын рухс уа, уый тыххæй.* − Говорят, *те, кому приготовили ель, будут в стране мертвых сидеть в ее тени, а у кого не будет ее – на солнце.* Не будет у того тени от дерева. А *цырагъ*** – для того, чтобы покойному было светло».

«Молодойæн – фылдæр заз. Заз обязательно! Йæ быны, дам, фæбады, хур куы фæкæсы, уæд. Уый ма цы нæ рабаддзæн!.. – Для молодого покойного чаще всего приготовляют дерево. Дерево обязательно! Говорят, *умерший сидит под ним, когда светит солнце.* Как же, он еще посидит!..»

Таким образом, есть понятие, что покойный на том свете сидит под тенью дерева, которое подготовили для него родственники. Тот же, у кого не будет подобного дерева, вынужден будет сидеть на солнце, изнывая от жары, так как родственники лишили его тени от дерева. Дерево дается покойному живыми родственниками: *«Ирон уырнынадмæ гæсгæ, адæмæй алкæмæндæр уæларвы ис номыл − стъалы, зæххыл − номыл заз. Адæймаг куы амæлы, уæд ахуыссы йе 'стъалыйы хай, ракалы йæ заз. Стъалыйы бæсты йын ссудзынц мыдадзын цырæгътæ, зазбæласы бæсты йæ уæлмæрдты ныссадзынц зазы къалиу.* − По осетинскому поверью, каждому из людей дана на небе звезда, на земле − ель. Когда умирает человек, гаснет его звезда, расцветает ель. Вместо звезды зажигают ему восковые свечи, вместо его ели на могиле ставят еловую ветку».

У В. Я. Проппа читаем, что существенную часть веры египтян, кроме животного культа, составляли еще сады и деревья. Египетские фараоны надеялись поддержать свое существование в царстве Ра, причем и при помощи «дерева жизни на таинственном острове в середине поля приношений, в поиски которого фараон отправляется в сопровождении утренней звезды. Эта утренняя звезда, между прочим, одновременно есть зеленый сокол. Вот во что при аграрном строе превратилась кокосовая пальма, вечно роняющая свои плоды. Эта пальма гипостазируется в древо жизни, растущее в царстве мертвых. Достигший этого дерева достигает бессмертия. Старые представления о том, что пребывание в ином царстве дает магическую силу и что, если удастся вернуться, можно сделаться магом и волшебником, эти представления не умирают» [7, с. 254]. Здесь можно провести параллель с одним из главных героев Нартовского эпоса − Сосланом − отправившимся в царство мертвых за листьями дерева Аза, произраставшего лишь там.

С. М. Толстая пишет, что «при толковании культурного знака *дерево* контекстами, на основании которых выделяются релевантные для толкования признаки, служат обычаи помещать на дерево те или иные предметы с целью удаления их из этого, земного, мира и «отправления» на тот свет, например, скоромной пищи перед началом поста, одежды больного и других предметов в медицинской магии, обычай хоронить под деревом умерших некрещеными детей, запрет залезать на дерево «нечистым» женщинам и т. п. Все это для языковой семантики, т. е. семантики слова *дерево* нерелевантно. В культурной дефиниции дерева должны быть отмечены такие смысловые элементы, как 1) значение вертикали, соединяющей земной и верхний, небесный мир; 2) значение роста и плодородия, 3) метафорическая соотнесенность с человеком (откуда запреты сажать некоторые виды деревьев у дома или рубить какие-то виды деревьев), 4) значение дерева как сакрального или демонического локуса и др.» [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Зардаваран* – поминальный обряд осетин.

** *Цырагъ* – подсвечник, один из атрибутов поминального обряда зазхассан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989. 325 с.
2. *Ершов В. П.* Ель – дерево мертвых //Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV научной конференции «Рябининские чтения-2003»: сборник научных докладов. Петрозаводк, 2003. 436 с. // http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/riabin2003.htm
3. *Зеленин Д.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 80 с.
4. *Кануков А.* Годовые праздники осетин // Терские ведомости, 1892. № 31. // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. III / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон. 1987. 441 с.
5. *Каргиев Б. М.* Осетинские обычаи и обряды. Владикавказ, 1991. 161 с.
6. *Миллер Всеволод.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 713 с.
7. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. 332 с.
8. *Толстая С. М.* Постулаты московской этнолингвистики. URL: http://www.rastko.org.yu/rastko/delo/11734
9. *Тхостов Ин.* Верования осетин // Терские ведомости. 1868. № 12 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. III / сост. Л. А.Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1987. 441 с.
10. *Уарзиаты В. С.* Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 233 с.
11. *Уарзиаты В. С.* Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. 552 с.
12. *Цаголов Г.* Влияние религиозных обрядов на благосостояние осетин // Новое обозрение, 1897. № 4494 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. II / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали, 1982. 372 с.
13. *Чибиров Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976. 282 с.
14. *Чибиров Л. А.* Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 712 с.
15. Энциклопедия символов, знаков, эмблем // сост. В. Андреева и др. М.: Локид; Миф, 2007. 576 с.

REFERENCES

1. *Abayev V. I.* Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka. T. IV. L.: Nauka, 1989. 325 s.
2. *Yershov V. P.* Yel' – derevo mertvykh //Lokal'nye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa: materialy IV nauchnoy konferentsii «Ryabininskie chteniya-2003»: sbornik nauchnykh dokladov. Petrozavodk, 2003. 436 s. // http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/riabin2003.htm
3. *Zelenin D.* Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeyskikh narodov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. 80 s.
4. *Kanukov A.* Godovye prazdniki osetin // Terskie vedomosti, 1892. N 31. // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. T. III / sost. L. A. Chibirov. Tskhinvali: Iryston. 1987. 441 s.
5. *Kargiev B. M.* Osetinskie obychai i obryady. Vladikavkaz, 1991. 161 s.
6. *Miller Vsevolod.* Osetinskie etyudy. Vladikavkaz, 1992. 713 s.
7. *Propp V. Ya.* Istoricheskie korni volshebnoy skazki. M.: Labirint, 2007. 332 s.
8. *Tolstaya S. M.* Postulaty moskovskoy etnolingvistiki. URL: http://www.rastko.org.yu/rastko/delo/11734
9. *Tkhostov In.* Verovaniya osetin // Terskie vedomosti. 1868. N 12 // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. T. III / sost. L. A.Chibirov. Tskhinvali: Iryston, 1987. 441 s.
10. *Uarziaty V. S.* Prazdnichny mir osetin. Vladikavkaz, 1995. 233 s.
11. *Uarziaty B. S.* Izbrannye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika / sost. V. A. Tsagarayev, E. M. Kochieva. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2007. 552 s.

12. *Tsagolov G.* Vliyanie religioznykh obryadov na blagosostoyanie osetin // Novoye obozreniye, 1897. N 4494 // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. T. II / sost. L. A. Chibirov. Tskhinvali, 1982. 372 s.
13. *Chibirov L. A.* Narodny zemledel'cheskiy kalendar' osetin. Tskhinvali: Iryston, 1976. 282 s.
14. *Chibirov L. A.* Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin. M.: ROSSPEN, 2008. 712 s.
15. Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem // sost. V. Andreyeva i dr. M.: Lokid; Mif, 2007. 576 s.